

М.Г. Мальцев,
писатель-краевед, древлехранитель Череповецкой епархии,
член Вологодского Союза писателей-краеведов

Из истории массовых репрессий против священнослужителей и верующих на территории Череповецкой епархии

XX век стал трагическим периодом в истории Русской Церкви. По подсчетам специалистов, в истории Вселенской Церкви никогда не было таких масштабных, всеохватывающих, длительных и непрерывных гонений, как в России в XX веке. В результате этих гонений, Русская Православная Церковь оказалась почти полностью обескровлена: к концу 1930-х годов почти все храмы были закрыты, а абсолютное большинство священнослужителей было либо расстреляно, либо сидело в лагерях и тюрьмах.

К началу Великой Отечественной войны из более 1300 храмов Вологодской области, существовавших в 1918 г., действующим оставался всего один – Рождества Богородицы у Горбатого моста г. Вологды, причем в распоряжении верующих находился лишь его первый этаж, на втором располагался архив НКВД. Все остальные церкви были закрыты, и добиться этого удалось, главным образом, за счет репрессий против священнослужителей и активных верующих.

Главным источником для изучения истории массовых репрессий на территории Череповецкого края являются материалы архива УФСБ по Вологодской области. Они позволяют проследить практически все этапы репрессивной политики. В фондах архива сосредоточено несколько тысяч дел на священнослужителей и верующих. При этом необходимо отметить, что фонды архива не дают полной картины репрессий. В частности, документы по красному террору на территории Череповецкого края сосредоточены, главным образом, в Череповецком центре хранения документации (ЧЦХД). Интересно, что они до сих пор засекречены, несмотря на то, что срок давности по делам давно истек. Анализ анкет священнослужителей, в которых обязательно указывались факты нахождения под следствием, позволяет увидеть, что фонды архива УФСБ по Вологодской области за 1920-1930-е годы также имеют серьезные лакуны. Заполнить их отчасти позволяют материалы ЧЦХД, Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ), Государственного архива Новгородской области (ГАНО), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального архива УФСБ и региональных архивов УФСБ, так как часть дел на череповчан, в силу различных причин, остались там, и других архивохранилищ.

Гонения против священнослужителей и верующих начались почти сразу после Октябрьского переворота. Всего через 6 дней после него принял мученическую смерть священник Екатерининского собора в Царском Селе (под Петроградом) священномученик Иоанн Царскосельский (Кочуров). Его расстреляли 31 октября 1917 года (все даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю, с февраля 1918 г. – по новому).

Спустя полмесяца революционные потрясения докатились и до Череповецкого края.

Одним из первых под удар безбожников попал Леушинский монастырь, оказавшийся под угрозой погрома и высылки сестер. Митрополит Платон (Рождественский) 16 ноября 1917 года от имени Синода сообщил об этом телеграммой Новгородскому губернскому комиссару Временного правительства Булатову. Грамотные действия настоятельницы позволили благополучно разрешить этот инцидент.

В более тяжелом положении оказались представители духовенства г. Белозерска. 27 декабря 1917 года были арестованы священник Спасской церкви Александр Иванович Юшковский и псаломщик собора Василий Николаевич Великанов. Правда, в тюрьме они пробыли недолго. Уже 2 января по ходатайству верующих и священнослужителей их выпустили на свободу, так и не предъявив обвинения. Как видим, накал борьбы с духовенством на территории края поначалу не был очень сильным.

Наиболее кровавые репрессии в 1918 году наблюдались в столице г. Петрограде, где был расстрелян уроженец Череповецкого уезда священномученик Философ Орнатский с сыновьями, и на окраинах – в местах соприкосновения с белогвардейцами. Характерный пример – другой уроженец Череповецкого уезда священномученик Пимен (Белоликов), епископ Семиреченский и Верненский, погибший в г. Верном (ныне Алма-Ата). В том же 1918 году мученически прервалась жизнь уроженки г. Череповца Анны Демидовой, расстрелянной вместе с царской семьей в доме Ипатьева (г. Екатеринбург). А 13 ноября в Сольвычегодске расстреляли бывшего игумена Филиппо-Ирапской пустыни преподобномученика Леонида Молчанова.

Несмотря на меньшую остроту противостояния государства и Церкви в Череповецкой губернии, она одной из первыхполнила список кровавых преступлений большевистского режима. 8 марта 1918 года (задолго до расстрела Философа Орнатского, Пимена (Белоликова), Леонида (Молчанова) и Анны Демидовой) был расстрелян священник Бельской церкви Устюженского уезда (ныне Чагодощенский район) Павел Александрович Кушников. За два дня до этого (6 марта) фактически без суда и следствия были расстреляны пятеро выходцев из духовного сословия, обвиненные в «белогвардействе»: возвратившийся из германского плена, израненный (16 ран) герой войны, георгиевский кавалер, поручик 4 Сибирского полка Александр Дмитриевич Моденский – 23 лет, устюженские уроженцы Александр Тюльпанов, Александр Примов Александр Яковцевский и студент Петроградского университета Николай Екатерининский – все в возрасте от 18 до 20 лет.

На Поместном Соборе это злодеяние было осуждено, а священник Павел Кушников неоднократно поминался в числе первых страдальцев за святую веру.

20 января (2 февраля) 1918 года Советом Народных Комиссаров был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», вступивший в силу через три дня. Им определялись взаимоотношения нового руководства страны и верующих в первые годы советской власти. Главными мероприятиями, прописанными в декрете, стали: национализация церковного имущества, прекращение преподавания Закона Божия в светских учебных заведениях, регистрация актов гражданского состояния в ЗАГСах, а не в храмах, принятие курса на государственный атеизм. Наиболее болезненным для верующих стала национализация имущества, которая положила начало разграблению храмов и монастырей по всей территории, подконтрольной большевикам. При этом нередко приходилось преодолевать упорное сопротивление верующих, что вело к кровопролитию. Согласно только советским источникам, в период с февраля по май 1918 года выступления верующих и попытки защитить церковное имущество сопровождались гибелью 687 человек.

Репрессии в Череповце начались вскоре после выхода «Декрета». Так, 15 марта 1918 года был арестован настоятель Воскресенского собора протоиерей Владимир Фарфаровский, но верующие добились его освобождения на другой же день. Из воспоминаний П.Л. Павловцева, одного из организаторов становления советской власти в Череповце, мы узнаем об еще одном подобном случае. 23 марта 1918 года комиссар Череповецкого уезда по внутренним делам Чуркин арестовал за неуплату чрезвычайного налога старост (?) Воскресенского и Благовещенского соборов – Зухарева и Богомазова. На следующий день, который был воскресным, прихожане собора после утренней службы вышли на стихийную демонстрацию по Воскресенскому проспекту, требуя освободить арестованных. Комиссар Чуркин, попытавшийся разогнать народ, был обезоружен. Для разгона демонстрации на проспект вышел взвод красногвардейцев, который стал стрелять поверх толпы. Люди в панике стали разбегаться. В этот же день наиболее активные демонстранты и благочинный собора были арестованы. Через несколько дней Чуркин оказался вынужден освободить старост. Этот акт был расценен партийным комитетом как трусость, поэтому на должность народного комиссара внутренних дел уезда был избран другой большевик.

Из «Новгородских епархиальных ведомостей» известно, что в 1918 году арестовали всех без исключения настоятелей городских храмов г. Череповца, но вскоре их выпустили на свободу. То есть до поры до времени сплоченность верующих позволяла противостоять репрессивной политике нового правительства. Но прекращать ее власти и не думали.

Начав со священнослужителей, они вскоре добрались до монастырей и храмов. Еще в 1917 было принято постановление о закрытии всех иноческих обителей. Указанное решение стало активно проводиться в жизнь в 1918 году. В результате, к 1919 году почти все монастыри официально прекратили свое существование. Вместо них были образованы коммуны и сельхозартели, председателями которых во многих случаях продолжали оставаться бывшие игумены и игумении, а работниками – монахи. Весной 1918 года на Севере наблюдался сильный голод, что дало основание властям начать кампанию по реквизиции запасов продовольствия из монастырских житниц, которая поставила монастыри на грань вымирания. Прекрасно иллюстрирует бедственное положение обителей в указанный период следующая телеграмма настоятеля Кирилло-Новоезерского монастыря Иоанна Новинского в Новгородское епархиальное управление: «Новоезерский монастырь в безвыходном положении. Все взято в советское хозяйство. Последние крохи продовольствия доедаем. Что нам предпринять, куда деваться, прошу ответить телеграфом. Архимандрит Иоанн». Ответ из духовной консистории показателен не менее чем процитированная телеграмма: «В таком же положении и остальные обители. Нужно братии до последней возможности быть в монастыре и охранять святыни».

Подобные реквизиции, как уже отмечалось, не всегда заканчивались мирно. Показательно в этом отношении дело священника и игумении Ферапонтова монастыря, которое имело кровавое завершение (расстрел семи ни в чем не повинных человек, в том числе епископа, священника и игумении) – осенью 1918 года.

Епископ Кирилловский священномученик Варсонофий (Лебедев), игумения преподобномученица Серафима (Сулимова) и четверо мучеников-мирян были расстреляны недалеко от Кириллова, как заложники, без суда и следствия 15 сентября 1918 года по надуманному делу коммуниста Костюшко. А еще через месяц в череповецкой тюрьме по тому же делу расстреляли священника сщмч. Иоанна Иванова. Так было отмечено начало Красного террора на территории нашего края.

К счастью, другие случаи расстрелов череповецких священнослужителей в 1918-1920 годах не фиксируются. Но мирян, подвергшимся кровавым репрессиям, оказалось немало. Только по делу коммуниста Андрея Костюничева из 52 заложников, находившихся под арестом, расстреляли 37 человек, большинство которых, по всей вероятности, являлись православными и верующими. Еще 15 человек были оставлены в качестве заложников «до следующего случая террористического контрреволюционного выступления в уезде». В их число входило два священника (Ниловицкой церкви Кирилловского уезда о. Феодор Смирнов и о. Сергей Третинский), а также староста Вознесенской церкви г. Кириллова, хороший знакомый святого праведного Иоанна Кронштадтского купец Григорий Александрович Вальков.

1919 год пополнил кровавую летопись большевистских преступлений еще одним кощунственным актом. После постановления Наркомата юстиции от 14 февраля 1919 года по всей России прокатилась кампания по вскрытию мощей, которая нередко завершалась серьезными столкновениями между государством и верующими. На территории Череповецкой губернии первыми вскрытию подверглись мощи преподобного Кирилла Новоезерского. Основанием для этого послужило постановление Пятого съезда советов Белозерского уезда от 27 декабря 1918 года. 21 января 1919 года специальная комиссия из 7 человек при большом стечении народа, в том числе архимандрита и монахов Кирилло-Новоезерского монастыря открыла раку. Порядок обеспечивали 10 милиционеров. В тот же день был составлен акт вскрытия, подтвердивший наличие в раке мощей угодника, который подписали, наряду с членами комиссии, архимандрит и монашествующие обители. Это событие прошло относительно мирно. Иначе получилось при попытке вскрыть раку, устроенную над мощами преподобного Сергия Шухтовского, в селе Покров Череповецкого уезда. В местной большевистской печати предлагалось в дальнейшем более осторожно подходить к проведению подобных акций.

К числу завершающих нашумевших дел эпохи Красного террора, имеющего отношение к Череповецкой земле, можно отнести рассказ протопресвитера Михаила Польского о повешении на Царских вратах Благовещенского собора г. Воронежа 27 декабря 1919 (9 января 1920) года уроженца Кирилловского уезда и постриженника Кирилло-Белозерского монастыря архиепископа Воронежского и Задонского священномученика Тихона (Никанорова) во время совершения богослужения и одновременное убийство 160 местных священников. Правда, документальные свидетельства этого злодеяния отсутствуют. Согласно другим источникам, архиерей тихо почил о Господе 27 февраля 1920 года, заболев тифом, свирепствовавшим тогда в Воронеже, и был погребён в склепе Благовещенского собора.

Таким образом, в первые месяцы советской власти и годы красного террора, на территории края было расстреляно по церковным делам 13 человек (в том числе 1 епископ, 2 священника и 1 игумения). За пределами края прервались жизни, по меньшей мере, 5 местных уроженцев (в том числе 1 архиепископа, 1 епископа, 1 игумена и 1 протоиерея). Всего 18 человек, значительная часть которых была прославлена в лике святых. Всего 1918-1920 годы дали миру 12 ныне канонизированных РПЦ для общецерковного почитания череповецких новомучеников и исповедников и 1 местную святую, прославленную РПЦЗ.

Число арестов священнослужителей не поддается точному учету из-за скудости источников. Но одно несомненно, только на территории края они исчислялись десятками.

К 1920 году священнослужители и монашествующие Череповецкого края

смогли, в целом, приспособиться к изменившимся условиям. В 1920 г. на его территории практически повсеместно завершилась регистрация церковных общин и преобразование монастырей в сельхозартели, то есть декрет об отделении церкви от государства оказался реализован по всем своим статьям. Причем монастырские сельхозартели и коммуны показали свою высокую эффективность, поэтому в местной атеистической прессе с завидной периодичностью стали появляться статьи, где предлагалось ...брать пример с монашествующих. Аресты, а, тем более, расстрелы священнослужителей и активных прихожан практически сошли на нет. Казалось бы, жизнь стала входить в нормальное русло. Но это было затишье перед бурей.

Уже в 1921 году наблюдается активизация атеистической работы и параллельно набирает обороты репрессивная кампания против верующих. В пределах Череповецкой губернии первым крупным делом против священнослужителей нового этапа репрессий стало привлечение к суду по представлению ЧК почти всех священников города Устюжны: протоиерея Богородице-Рождественского собора Иоанна Дометиевича Адрианова, священников того же собора Дмитрия Михайловича Ростовцева и Сергия Ивановича Казанского, священника Благовещенской церкви Константина Яковлевича Спасского, священника Христорождественской (Покровской) церкви Михаила Алексеевича Смирнова, священника Казанской церкви Афанасия Арсеньевича Беляева, священника Преполовенской церкви Дмитрия Михайловича Тюльпанова (отца одного из казненных 6 марта 1918 года так называемых «белогвардейцев»). Летом 1921 года в Череповце арестовали епископа Кирилловского Тихона (Тихомирова), окормлявшего приходы Череповецкого, Кирилловского и Белозерского уездов. Точные причины ареста не известны, так как следственное дело пока обнаружить не удалось.

Пик репрессий падает на 1922-1923 годы. Толчком к нему послужила конфискация церковных ценностей для помощи голодающим в Поволжье, а программа задана известным письмом В.И. Ленина с требованием расстрелять как можно больше «представителей... реакционного духовенства».

В этот период были арестованы и приговорены к реальным срокам заключения патриарх Тихон, митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), в ведении которого находились приходы и монастыри Череповецкого края, другие архиереи, настоятели и настоятельницы обителей, что позволило ОГПУ дестабилизировать церковное управление и расколоть Русскую Православную Церковь. В числе арестованных значатся настоятельница Леушинского монастыря игумения Агния (Благовещенская) и казначея той же обители монахиня Серафима (Щурова), настоятельница Парфеновского монастыря игумения Рафаила (Рогозина), настоятель Кирилло-Белозерского монастыря архимандрит Анастасий (Агафонов) и другие. Наиболее распространенной статьей обвинения являлось сокрытие церковных ценностей или препятствование их изъятию. Хотя встречались и явно абсурдные поводы для репрессий. Например, архимандрит Анастасий (Агафонов) был арестован по обвинению в «краже ржи» из ...монастырского амбара, а игумения Рафаила (Рогозина) – в укрывательстве бандитов. Как и в 1918-1919 годах, несмотря на тяжесть мнимой «вины» осужденных, наказания назначались достаточно мягкие. Например, игумения Рафаила была приговорена к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 10 лет по статьям 76, 36 УК РСФСР и принуждением покинуть Парфеново. Игумению Агнию (Благовещенскую) приговорили к 5 годам высылки. Как видим, в большинстве случаев реальные сроки заключения череповецкими судами выносились нечасто, главной целью проводимых процессов являлось стремление оторвать настоятелей обителей от

окормляемых ими монашествующих с целью дестабилизировать церковную жизнь. Расстрелов среди священнослужителей Череповецкого края не зафиксировано. Во многом это объясняется относительной бедностью череповецких храмов и отсутствием активного сопротивления верующих изъятию ценностей. Самым известным процессом, характеризующим данный этап репрессий, является дело на настоятеля Уломского прихода Череповецкого уезда священномученика Феодора Беляева, ныне хранящееся в архиве УФСБ по Вологодской области (Д.П. 1600, здесь и далее в скобках мы указываем шифры дел указанного архива). 17 мая 1922 года по нему было осуждено 8 человек. Самые длительные сроки заключения (4 и 5 лет, соответственно) получили о. Феодор и активная прихожанка О.В. Левина. Правда, спустя 1 год и три месяца все осужденные были амнистированы.

Изъятие церковных ценностей и последующие аресты патриарха и архиереев, позволили ОГПУ добиться передачи церковного управления в руки раскольников-обновленцев. В 1923 году образовалась самостоятельная Череповецкая обновленческая епархия, в ведение которой перешло абсолютное большинство храмов Череповецкой губернии. В 1924 году после выхода на свободу патриарха Тихона и назначения им на Череповецкую кафедру епископа Макария (Опоцкого) начинается процесс возвращения верующих в лоно Патриаршей Церкви. Когда положение обновленцев стало критичным, местные органы ОГПУ и милиции, до этого спокойно наблюдавшие за происходившими изменениями, неожиданно начали активную репрессивную кампанию против священнослужителей и монашествующих, состоявших в юрисдикции Патриаршей Церкви. Поводом для арестов и вызовов к следователю, начавшихся в августе 1924 года и продолжавшихся в сентябре и октябре, стало поминовение в храмах патриарха Тихона, что приравнялось к контрреволюционной пропаганде. Возношение имени главы Русской Церкви являлось также поводом для закрытия храмов и монастырей, допустивших «нарушения». Как правило, основанием для возбуждения дел, служили доносы, подписанные обновленческим «епископом» Череповецким Иоанном Звездиным и членами епархиального управления. Благодаря им в 1924 году были закрыты Кирилло-Белозерский, Тихвинский Успенский монастыри, Нило-Сорская пустынь и ряд храмов, в том числе Христорождественская и Сретенская церкви в губернском центре г. Череповце.

Из материалов, хранящихся в Череповецком центре хранения документации, известно, что следственные действия были возбуждены против священника Шухободской церкви Череповецкого уезда Димитрия Малинина, священника Абакановской церкви того же уезда Николая Соловьева. Оба батюшки, не выдержав преследования, отказались от поминовения патриарха и со своими общинами перешли в обновленчество. В поминовении патриарха были обвинены и священнослужители Кирилловского уезда: Соловьёв (Николо-Волокославинская церковь), Александр Павлович Черняев (Славянско-Вознесенская церковь), Иван Васильевич Смирнов (Прислонская Сретенская церковь), Николай Исаев (Воскресенско-Рукинская церковь), Николай Петрович Соболев (Параскево-Нилободовская церковь Талицкой волости), Василий Александрович Крупнов (Петропавловская Ситская церковь). Было принято решение расторгнуть договоры с их общинами, а дела на священников передать в ОГПУ. Правда, в большинстве случаев до реальных сроков дело не доходило, так как некоторые священнослужители соглашались после соответствующего внушения вернуться в юрисдикцию обновленцев. В случае несогласия они просто отстранялись от должности. К числу немногочисленных исключений следует отнести дело на епископа Тихвинского Антония (Демянского). Он был арестован в сентябре 1924 года и 19 июня 1925 года приговорён к 3 годам концлагерей с

последующей заменой на ссылку, где и скончался.

В течение августа-октября 1924 года властям удалось почти полностью восстановить пошатнувшиеся были позиции обновленцев, и вопрос о помощи им был снят с повестки дня. А после кончины патриарха Тихона (7 апреля 1925 г.) обвинение в его поименовании и вообще утратило всякий смысл. Поэтому ОГПУ начинает прорабатывать другие направления своей работы по борьбе с инакомыслием.

31 октября 1925 года был арестован священник Николо-Волокославинской церкви Кирилловского уезда Василий Александрович Крупнов. 30 мая 1926 года он был признан виновным в контрреволюционной деятельности и осужден (Д.П. 17825).

24 сентября 1926 года черный воронок приехал за строгим ревнителем канонов Православной Церкви, благочинным, священником Логиновской церкви Череповецкого уезда Михаилом Павловичем Смирновым (будущим архиепископом Леонтием). 7 февраля 1927 года суд не нашел оснований для его содержания под стражей и выпустил на свободу (Д.П. 3694), что во многом было связано со снижением накала репрессивной кампании.

Пожалуй, самым громким судебным процессом середины 1920-х годов стало возбужденное весной 1926 года уголовное дело (Д.П. 3711) против епископа Череповецкого Макария (Опоцкого) и ряда священнослужителей и монашествующих (всего 4 человека). 25 июня 1926 года трое фигурантов, включая владыку, были приговорены к 3 годам лагерей.

В том же 1927 году органы ОГПУ возбудили новое дело на священнослужителей и активных верующих г. Череповца по обвинению в общении с епископом Макарием и участии в созданном им епархиальном совете (Д.П. 5726). 5 декабря 1927 года пятеро фигурантов, включая настоятелей единственных городских тихоновских храмов протоиерея Кирилла Голубева и иерея Андрея Артамонова, были приговорены к высылке за пределы Ленинградской области сроком от 3 до 6 лет. Символично, что дата их осуждения совпала с датой досрочного освобождения епископа Макария, общение с которым и вменялось им, главным образом, в вину.

Цель данной репрессивной акции яснее вырисовывается из последующих событий. Одновременный арест настоятелей главных и единственных тихоновских общин г. Череповца позволил местным органам ОГПУ добиться успеха в деле распространения очередного крупного раскола – григорианского. В 1928 году почти все тихоновские храмы Череповца и его ближайших окрестностей в радиусе 5 км от города (включая Христорождественскую и Богородскую) перешли в ведение григорьевцев. В юрисдикции Патриаршей Церкви осталась только Сретенская и Носовская общины. То, что это была продуманная акция, свидетельствуют материалы архива УФСБ. В частности, в январе 1928 года секретный отдел вологодского ОГПУ дает инструкции своим агентам следующего содержания: «При выявлении приходов или лиц склонных к ВВЦС [то есть григорианскому расколу Патриаршей Церкви], проработать вопрос о... переводе их в ВВЦС». Если это будет затруднительно, «использовать моменты колебаний для перевода хотя бы в обновленчество».

8 апреля 1929 года принимается Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», резко ужесточившее механизмы регулирования и контроля за религиозными организациями и ограничивший деятельность в них духовенства. Одновременно значительно увеличиваются страховые выплаты и налоги за церковное имущество, превращающие пользование храмами в непосильное бремя для верующих. В результате, в 1929-1930 годах ряд общин были вынуждены «добровольно» отказаться от своих церквей. В 1929 году

государство берет курс на коллективизацию и одновременное закрытие, по возможности, всех храмов, что способствовало активизации репрессивной кампании против священнослужителей и верующих. Значительная их часть была раскулачена и отправлена в ссылку, главным образом, в Мурманскую область. В архиве УФСБ по Вологодской области имеется несколько десятков таких дел. В число раскулаченных попали священник Борисовской церкви Череповецкого района Алексей Павлович Орнатский, священник Хилетской церкви Иван Андреевич Ильин, священник г. Устюжны Павел Степанович Кедров с домочадцами и многие другие.

Наряду с раскулачиванием к священнослужителям стали применяться и другие виды наказания. Интересно, что, главным образом, они осуждаются уже не за политические, а экономические преступления (несвоевременная уплата налогов, несогласованный убой личного скота, занятие гомеопатией и т.п.). Например, 15 апреля 1931 года «за неуплату единовременного налога» были осуждены на пятилетнюю ссылку все священнослужители Уломского прихода: настоятель священномученик Феодор Беляев, второй священник Иоанн Садофович Попов, диакон Сергей Александрович Тогатов. Правда, верующие не стали сидеть сложа руки, а отправили делегацию в Москву к всесоюзному старосте М.И. Калинину. В результате, дело пересмотрели и всех осужденных оправдали. Осенью того же 1931 года они вернулись на родину. Всего в 1930-1931 годах судебному преследованию были подвергнуто несколько десятков священников края, часть из них были отправлены в ссылки и лагеря, откуда некоторые так и не вернулись.

Немногим лучше оказалось положение оставшихся на свободе. XX век многие исследователи называют временем бескровного мученичества. Большевики сумели найти изощреннейшие методы преследований верующих. Одно из них – приравнивание священников, независимо от их реального дохода, к классу кулаков и исчисление им налогов по индивидуальной шкале, часто значительно превышающих реальный доход. В случае неуплаты налога производилась конфискация имущества. Характерный пример – судьба священника Шухободской церкви Череповецкого района Дмитрия Малинина. Местные власти исчислили ему налог, в несколько раз превышающий реальный доход, который священник, естественно, в срок уплатить не смог. Тогда у него в счет налога конфисковали дом и подсобные помещения (оценочную стоимость которых при этом существенно занизили). Но и на этом чиновники не успокоились. На о. Дмитрия, лишившегося всего своего имущества, был наложен огромный штраф за несвоевременную выплату налога. Священник, оставшийся без жилья, вынужден был переехать на хутор, расположенный в нескольких километрах от храма. Ему приходилось ежедневно для совершения богослужений совершать нелегкие путешествия в Шухободь по бездорожью, а зимой еще и в кромешной тьме. Отец Дмитрий попросил чиновников разрешить ему проживать в церковной сторожке. Несмотря на то, что священник числился церковным сторожем и сторожка находилась на балансе церкви (община за нее исправно платила налоги), в просьбе священнику было отказано. Не помогла ему даже жалоба, направленная лично И.В. Сталину. В конце концов, о. Дмитрия, оставшегося по милости властей нищим и бездомным, арестовали и принудительно выслали из Шухободы.

Наряду с экономическими преследованиями священнослужителей (лишением их домов и личного имущества, обложении непосильными налогами, твердыми заданиями, отправкой на принудительные работы и лесозаготовки) органы ОГПУ отнюдь не пренебрегали механизмами уголовного преследования священнослужителей и верующих по политическим мотивам. Число обвинений в

«контрреволюционной агитации», хоть и уступает первой группе, но остается весьма значительным. Смертных приговоров в этот период выносятся относительно немного. Например, 10 февраля 1931 года было осуждено 8 священнослужителей и мирян Кирилловского района, трое из которых (протоиерей Александр Михайлович Фомин, известный историк Ферапонтова монастыря Иван Иванович Бриллиантов и активный церковник Никита Степанович Игнатьев) были приговорены к высшей мере наказания (Д.П. 14648).

В общении с ними, а также поминовении расстрелянных советской властью священнослужителей, князей и княгинь был обвинен епископ Череповецкий Нифонт (Фомин). По его делу проходило 16 человек, главным образом священнослужителей и монашествующих г. Череповца и его ближайших окрестностей. Семеро осужденных, включая епископа Нифонта, были приговорены к 3 годам лагерей, еще семеро – к 3 годам ссылки, а двое освобождены за недостаточностью улик (Д.П. 6677).

1930-1931 годами датируется еще несколько десятков политических церковных дел, по которым преследованиям подвергались, главным образом, представители Патриаршей Церкви. Так, 18 марта 1930 года, к 5 годам лагерей приговорили священника Иоанна Николаевича Светлова, 27 марта 1930 года к 10 годам лагерей приговорили настоятеля Даргунской церкви Череповецкого района Николая Ивановича Ильинского. 5 февраля 1931 года 5 лет лагерей получил уже упоминавшийся нами священник Логиновской церкви Михаил Павлович Смирнов. Имели место и более мягкие наказания. Например, благочинный Пришекснинского района, протоиерей Ковжской церкви Алексей Евсеевич Колкачский 27 марта 1930 года был осужден на 3 года лагерей условно. А дело в отношении бывшей послушницы Леушинского монастыря Устины Михайловны Громовой и вовсе прекратили.

Репрессии не обошли стороной старообрядцев, а также представителей других конфессий и течений внутри Православной Церкви. В частности, 11 марта 1930 года были осуждены монахини Березниковской старообрядческой пустыни Пришекснинского района. А 18 марта к 5 годам лагерей приговорили настоятеля обновленческого Ямышевского прихода Кадуйского района священника Иоанна Александровича Троицкого. Из лагеря он не вернулся.

Таким образом, 1929-1930 годы можно считать временем, когда государство берет решительный и последовательный курс на «искоренение религиозного дурмана» (во всех его проявлениях), используя для этого все имеющиеся в его арсенале средства, включая аресты священнослужителей, но эти аресты к смертным казням приводят в достаточно редких случаях.

Февраль 1932 года стал временем проведения очередной крупной антицерковной кампании, направленной в первую очередь против монашествующих. Главный удар органы ОГПУ в центральных регионах нанесли в так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 года. 17-18 февраля аресту подверглись и сестры Леушинского монастыря, проживавшие в Ленинграде на территории официально закрытого к тому времени монастырского подворья. В числе арестованных была игумения Леушинского монастыря Агния (Благовещенская), заведующая подворьем монахиня Аполлинария (Мухина), послушница Зинаида Благовещенская (родная сестра игумении Агнии) и другие. Всего около 30 человек. Почти все они были приговорены к 3 годам ссылки в Среднюю Азию.

Репрессии против монашествующих не обошли стороной и Череповецкий край. 4 февраля 1932 года была арестована монахиня Леушинского монастыря Анастасия Богословская, проживавшая в селе Леушино. Ее приговорили к 3 годам ссылки в Казахстан. 29 февраля сотрудниками Мяксинского райотдела ОГПУ

были арестованы юродивая монахиня Нектария (Анучина), монахиня Екатерина Амосова, проживавшие в селе Леушино и местные священники – иеромонах Серафим (Жизнин), служивший в Похвальском соборе обители, и отец Донат Носов, числившийся, согласно материалам дела, священником Пустынской церкви Леушинского монастыря. 17 апреля 1932 года состоялся суд, по приговору которого монахиня Нектария, иеромонах Серафим (Жизнин) и священник Донат Носов были осуждены к 3 годам исправительно-трудовых лагерей, а Екатерина Амосова – к 3 годам ссылки в Казахстан (Д.П. 3679). 15 сентября 1932 года органы ОГПУ в Череповце арестовали монахиню Севастиану (Богданову). 8 декабря она и еще четверо подследственных были осуждены (Д.П. 3878). В ноябре 1932 года волна арестов докатилась до инокинь Горицкого монастыря, проживавших в Кириллове. 15 марта десять монахинь и послушниц признали виновными в «контрреволюционной агитации» (Д.П. 7686). 29 декабря 1932 года арестовали монахиню Леушинского монастыря Авраамию (Завьялову), проживавшую в селе Гришкино. Суд над ней и 8 прихожанами Гришкинской церкви состоялся 15 марта.

Таким образом, весь 1932 год прошел под эгидой борьбы с монашеством. Но, несмотря на это, полного уничтожения тайных иноческих общин властям добиться не удалось. На территории нынешней Ленинградской области вплоть до 1937 года существовала мужская Забудушенская пустынь, а на Череповецкой земле, по меньшей мере, до 1940 года монашествующие подвизались в стенах Антониево-Черноезерской пустыни Пришекснинского района.

В 1932-1933 годах не прекращались репрессии и против белого духовенства. 21 апреля 1933 года был осужден священник Смердомльской церкви Верхнечагодощенского района вместе с группой из 6 прихожан.

Как видим, в 1930-х годах наблюдается тенденция фабрикации преимущественно групповых дел, численность фигурантов по которым постепенно растет. Апогеем этой политики стала фабрикация самого крупного церковного дела Череповецкого края первой половины 1930-х годов, по которому было осуждено 54 человека, а фигурантов имелось еще больше. 1 января 1934 года был арестован у себя на квартире в Тихвине епископ Кирилловский, управляющий Череповецкой епархией Валериан (Рудич), обвиненный в связи с «евлогиевцами». Вслед за этим начинаются массовые аресты священнослужителей обширной Череповецкой епархии, которая, помимо западной трети нынешней Вологодской области, включала часть современных Новгородской и Ленинградской областей. В короткое время были арестованы причты почти всех храмов данной территории. 3 марта 1934 года состоялся суд, по которому большинство фигурантов дела (54 человека) были осуждены на разные сроки, чаще всего, 5 лет лагерей (Д.П. 11823).

10 июля 1934 года произошли серьезные изменения в структуре карательных органов. ОГПУ был включен во вновь образованный наркомат внутренних дел (НКВД), руководителем которого становится Генрих Ягода. Организационные перемены в высших эшелонах власти на время снизили накал репрессивной операции против священнослужителей. Поэтому вторая половина 1934 и 1935 годы прошли относительно спокойно. Новый пик репрессий приходится на начало 1936 года. В январе 1936 г. был арестован настоятель Лохотской церкви Череповецкого уезда священник Вениамин Александрович Тюльпанов, но 20 января дело в его отношении прекратили. Аналогичным образом завершилось уголовное преследование в отношении псаломщика того же храма Якова Петровича Верещагина. 16 февраля 1936 года он был оправдан. В худшем положении оказался настоятель обновленческой Семено-Раменской церкви Петриневского района Василий Осипович Троицкий, 18 февраля 1936 года

он был осужден.Пятилетней ссылкой завершилось дело в отношении благочинного тихоновских церквей протоиерея Ковжской церкви Пришекснинского района Алексея Евсеевича Колкачского. Его арестовали 18 июня по обвинению в контрреволюционной агитации и в тот же день приговорили к высылке.

Как видим, наказания в этот период назначаются достаточно мягкие, а расстрелы священнослужителей на территории Череповецкого края, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, и вообще не фиксируются.

Подведем итоги самой всеобъемлющей и массовой на тот момент репрессивной кампании 1929-1936 годов. К началу 1937 года Церковь на территории Череповецкого края переживала не лучшие времена, более половины храмов были закрыты. Остальные находились под угрозой закрытия, по крайней мере, местные власти изыскивали всевозможные поводы для этого. Значительно сократилось число прихожан: 20-летие атеистической агитации не прошло бесследно. Уменьшилось и число священнослужителей, репрессии сделали свое дело. Тем не менее, говорить о разгроме Церкви не приходилось. Наоборот, верующие стали еще более сплоченными и готовыми ради Христа идти на смерть. Хотя число церквей и резко сократилось, но к прекращению богослужений это не привело, так как ликвидации подверглись, главным образом, домовые, ведомственные, монастырские и вторые приходские храмы. Большинство приходов продолжало действовать. То есть антицерковная кампания, хоть и не потерпела полного фиаско, как наблюдалось в 1920 году, но, несомненно, не достигла требуемых результатов, что не могло быть благосклонно воспринято высшим руководством страны.

В полной мере это стало понятно после обработки результатов переписи населения, проведенной 6 января 1937 года, во время которой 1/3 горожан и 2/3 сельчан объявили себя верующими. Более того, выяснилось, что вера оказалась особенно сильна в среде образованных людей. Среди неграмотных православные верующие от 16 лет и старше составляли 67,9%, среди грамотных – 79,2%. Все это свидетельствовало о провале атеистической кампании. Материалы переписи были запрещены для использования, а многие из тех, кто ее осуществлял, подверглись репрессиям.

Поэтому в высших эшелонах власти и карательных органах начинают разрабатываться новые более действенные методы борьбы с инакомыслием и подготавливается почва для нанесения сокрушительного удара по Русской Церкви. Главная ставка, как бывало неоднократно, делается на структуры НКВД

26 сентября 1936 года наркомом внутренних дел становится Николай Иванович Ежов, с именем которого связан самый кровавый период репрессий. Своего апогея террор достиг после выхода 30 июля 1937 года приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Согласно этому приказу, только в Ленинградской области, к которой тогда относились Белозерский, Кирилловский, Устюженский и Череповецкий районы, предстояло за четыре месяца, то есть ко Дню сталинской конституции и выборам в Верховный совет СССР, осудить «по первой категории», т. е. расстрелять, 4000 человек и «по второй категории», т. е. заключить в лагеря и тюрьмы, 10000 человек. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек, из них расстрелу подлежали 75 950 человек.

Зачем потребовалась столь грандиозная и кровавая спецоперация? В литературе можно встретить указания на болезненную мнительность «Вождя народов» и другие причины. Но главная из них четко вырисовывается из анализа текста постановления и материалов следственных дел. Согласно приказу № 00447 операция должна была начаться 5 августа 1937 г. и продлиться четыре

месяца. 5 декабря отмечался день Сталинской конституции, с чем и связана такая жесткая датировка. Кроме того, на 12 декабря 1937 г. было запланировано проведение выборов в Верховный совет СССР – первых относительно свободных выборов в советском государстве, в которых, согласно новой Конституции впервые (!) было разрешено участвовать всем гражданам России, включая священнослужителей. До этого священники, причетники, а также бывшие кулаки, купцы, дворяне были отнесены к категории лиц, лишенных избирательных прав («лишенцев»). По новой Конституции они не только получили право избирать других, но и сами войти в число депутатского корпуса. Естественно, что данным правом некоторые бывшие «лишенцы» решили воспользоваться. Поэтому, как показалось И.В. Сталину, возникла серьезная угроза избрания в депутаты представителей гонимых сословий или их ставленников. И Иосиф Виссарионович решил обезопасить себя физическим уничтожением или заключением в тюрьмы и лагеря всех, кто мог негативно (в его понимании) повлиять на исход голосования. Интересно, что одной из распространенных статей обвинения церковников значились попытки выдвинуть в депутаты священнослужителей. Некоторые из свидетелей позднее признавались, что согласились подписать ложные обвинения, так как сотрудник НКВД говорил им о необходимости «изолировать» на период выборов того или иного «антисоветчика».

Наиболее массовые аресты и осуждения священнослужителей и верующих на территории Череповецкого края наблюдались с августа 1937 по февраль 1938 годов. Причем, если в предыдущие годы, фиксируется относительно небольшое число смертных приговоров, то в 1937-1938 годах они встречаются в абсолютном большинстве дел.

Первыми пострадавшими в период Большого террора стали тихоновские священники Пришекснинского района: Чаромской церкви Павел Владимирович Розанов и Черноезерской церкви Валентин Иванович Томкевич и 12 мирян. 13 августа 1937 года все были приговорены к высшей мере наказания и 17 августа расстреляны. Столь оперативно приступить к выполнению спецзадания руководителю Череповецкого оперсектора лейтенанту Павлову, во многом, удалось за счет того, что все 14 фигурантов дела были арестованы еще в апреле-мае и следствие над ними велось уже давно. В тот же день был приговорен к расстрелу арестованный 20 мая священник обновленческой Семено-Раменской церкви Петриневского района Николай Владимирович Хромин. Возможно, участь его была бы не столь печальной, если бы не жесткие условия спецоперации и четкие нормы на число расстрелянных, которые Павлов стремился выполнить любой ценой. 6 августа по его приказу арестовывается проживавший в Череповце заштатный диакон тихоновской Нелазской церкви Алексей Михайлович Ключарев, а 7 августа – священник тихоновской Едомской церкви Череповецкого района Кирилл Иванович Барабанов. Следствие над ними было произведено стремительно, 29 августа обоих священнослужителей приговорили к высшей мере наказания и 31 августа расстреляли.

Следует отметить, что Череповецкий оперсектор с первых же дней репрессивной операции захватил роль лидера. Уже в первой декаде августа им было арестовано несколько десятков человек, в том числе около десятка священнослужителей. Помимо упомянутых А.М. Ключарева и К.И. Барабанова за один только день 7 августа были арестованы священник тихоновской Зеленодубровской церкви Кадуйского района Владимир Александрович Тимофеев и группа обновленческих пастырей Кадуйского района: священник Становской церкви Павел Васильевич Братолюбов, священник Андогской Успенской церкви Петр Николаевич Изюмов и безместный священник Андогской Богоявленской церкви Василий Мартемьянович Судаков. Все они были расстреляны в начале

сентября. Причем последние трое пастырей проходили по одному групповому делу

Череповецкие чекисты старались наиболее точно выполнить поставленные перед ними задачи, хорошо помня, что руководство особое внимание советовало уделять выявлению антисоветских организаций. К таковым были отнесены церковные структуры. Поэтому главное внимание оперуполномоченные НКВД стали обращать на священнослужителей и прихожан. Поводом для их ареста на первых порах являлись неосторожные высказывания о бедственном положении колхозов и возможности войны с Германией, что вполне укладывалось в понятия «антисоветской агитации». Позднее уже сам факт хождения в церковь, а, тем более, служения в ней, стал достаточным поводом для начала следственных действий, так как он «однозначно» указывал на принадлежность к контрреволюционной группировке, а для священнослужителей – еще и лидерства в ней.

Если верующий и священнослужитель попадал в поле зрения НКВД, надежд на спасение практически не оставалось. Наименее стойкие под изощреннейшими и жесточайшими пытками, нередко признавали свою вымышленную вину в участии в организации, ставящей перед собой задачу, не более, не менее чем свержение существующего строя, убийства Сталина, развала колхозов, связям с фашистской Германией и тому подобное. И, тем самым, подписывали себе смертный приговор. Если человек, несмотря на пытки, отказывался признать «вину», материалы его допросов попросту фальсифицировались или, в более редких случаях, указывалось, что он достаточно изобличен показаниями свидетелей и других подозреваемых. То есть расстрела или длительного тюремного заключения он избежать также не мог.

Чуть ли не единственным средством облегчить себе участь являлось «добровольное сотрудничество» со следствием, то есть доносы и клевета на ни в чем не повинных людей.

К доносчикам, как правило, высшая мера не применялась, но лагерного заключения, если они попали в число подозреваемых, избежать удавалось достаточно редко.

Все оперсектора, действовавшие в пределах Череповецкой епархии, активно включились в работу по выявлению «антисоветских организаций» церковников. Это было сделать легче всего, так как большинство приходов Череповецкого края, продолжало функционировать, следовательно, в райисполкомах хранились актуальные списки священнослужителей и церковного актива. В сентябре Череповецкий оперсектор смог «вскрыть и изобличить» несколько таких «группировок». 15 сентября к расстрелу были приговорены священник, псаломщица и активный церковник тихоновской Гришкинской церкви Череповецкого района. 19 сентября к высшей мере наказания приговорили тихоновских священников Абакановской, Чудской и Шухободской церквей того же района и диакона Чудского храма. В тот же день к расстрелу приговорили 12 священнослужителей, монашествующих и активных церковников Мяксинского района.

Как видим, на протяжении августа-октября во всех приговорах троек неизменно встречается лишь высшая мера наказания. И это объяснимо. Перед чекистами были поставлены жесткие нормы репрессий по «первой» (расстрелы) и «второй» (лагерное заключение) категориям. Причем приоритет отводился первой группе. Согласно приказу от 30 августа, в первую очередь следовало предоставить списки осужденных по 1 категории, а уже потом выполнять нормы по 2-й. Таким образом, для осужденных в первые месяцы Большого террора надежд на более мягкий приговор просто не было.

Важно отметить, что череповецкий оперсектор первоначально делает ставку на репрессии против священнослужителей, не формируя крупных групповых дел.

Иначе к делу подошел Тихвинский оперсектор, который 23 сентября приговорил к высшей мере наказания 3 священников и 25 активных церковников Борисово-Судского (ныне Бабаевского) района, которое стало самым крупным на тот момент расстрельным процессом против священнослужителей и верующих на территории края.

Но вскоре пальму первенства перехватил Белозерский оперсектор, который стремительно вошел в число лидеров и удерживал первенствующие позиции вплоть до окончания Большого террора. Дело в том, что его руководитель лейтенант госбезопасности И.Т. Власов, стремясь выслужиться, не останавливался ни перед чем, идя на явную фальсификацию следственных дел, активно используя всевозможные пытки и издевательства. Благодаря этим своим качествам он вошел в историю как фабрикатор самого крупного и известного расстрельного дела на священнослужителей, монашествующих и активных верующих «О контрреволюционной повстанческой организации церковников», по которому осудили 102 человека, в том числе 101 был расстрелян.

23 сентября 1937 г. была образована Вологодская область, в состав которой вошли восточные районы Ленинградской области (территория Череповецкого края).

Приказом НКВД СССР № 00623 от 29 сентября 1937 г. было организовано Управление НКВД СССР по Вологодской области, в состав которого вошли: 2 районных отдела и 21 районное отделение из бывшего УНКВД по Северной области, и 18 районных отделений, переданных из УНКВД по Ленинградской области. Возглавил управление ленинградец, майор госбезопасности Сергей Георгиевич Жупахин.

В течение октября шел процесс формирования нового подразделения, поэтому чекисты Череповецкого края продолжали оставаться в оперативном подчинении Ленинградского управления и дела на арестантов отправлялись в Ленинград. Там же приводились в исполнение приговоры тройки. Значительная часть репрессированных в августе-октябре священнослужителей и верующих нашли свой последний приют в Левашовской пустоши под Ленинградом, хотя это далеко не единственное место массовых расстрелов.

Причем число арестов продолжало стремительно расти, а приговоры оставались неизменно жестокие. Почти ко всем осужденным применялась высшая мера наказания.

Интересно, что многие из «новых» уголовных процессов оказались тесно связаны с «Делом о контрреволюционной повстанческой организации церковников» и разбирались в Ленинграде. Так, 22 октября 1937 года Особая тройка в Ленинграде (протокол заседания № 117) рассмотрела два уголовных дела на бывших монашествующих и священнослужителей Горицкого монастыря (Д.П. 11648, Д.П. 12055). По ним 30 октября в Ленинграде расстреляли 43 человека, и еще одна женщина была казнена в Белозерске. Все фигуранты указанных дел были арестованы еще в конце сентября при формировании дела церковников, но, поскольку необходимую сотню удалось к этому времени достигнуть, их репрессировали по отдельным сфабрикованным делам.

К ноябрю 1937 года формирование Вологодского отделения УНКВД завершилось и была образована своя тройка в составе председателя начальника УНКВД С.Г. Жупахина и членов: 2-го секретаря обкома ВКП(б) Н.А. Люстрова (вскоре арестованного) и заместителя прокурора Вологодской области по спецделам Савгирова. Позднее в состав тройки, кроме С.Г. Жупахина, входили:

1-й секретарь обкома ВКП(б) П.Т. Комаров (им подписаны протоколы № 7–17, 20, 22–26) и 2-й секретарь обкома Овчинников (им подписаны протоколы № 18, 19 и 21), а также прокуроры Вологодской области Дрожжин (им подписаны протоколы № 18–24) и Зайцев (им подписаны протоколы № 25–28). Для нового подразделения были установлены свои нормы репрессированных. Прибыв в г. Вологду в конце сентября 1937 года С.Г. Жупахин начал активно претворять в жизнь директивы и приказы НКВД о борьбе с «врагами народа». Первым делом он запросил руководство НКВД увеличить лимиты по первой категории на 1000 человек, по второй категории – на 1500 человек.

Тройка УНКВД по Вологодской области приступила к своей работе 2 ноября 1937 года и завершила ее 22 сентября 1938 года. За этот период было проведено 26 заседаний. Всего на основании решений тройки было репрессировано 4705 человек, в том числе 2090 человек (почти половина) приговорены к расстрелу и 2615 чел. (55,6%) – к заключению в ИТЛ (в абсолютном большинстве случаев на 10 лет). Из них по обвинению в контрреволюционных преступлениях осудили 4524 человек (96,2 %), из которых более 4000 чел. в протоколах тройки значились как «бывшие кулаки» (то есть в большинстве своем люди верующие и воцерковленные, к данной категории обычно относили и священнослужителей). Показательно, что всего 181 человек (3,8 %) был репрессирован как уголовный элемент, то есть борьба велась, главным образом, с законопослушными гражданами.

В период деятельности Вологодской тройки в застенках уже содержалось множество арестованных, поэтому фабрикация очередных крупных следственных дел не составляла особого труда. Тесную связь с «Делом о контрреволюционной повстанческой организации церковников» имело так называемое Моденское дело, главным фигурантом которого стал священник Гурьевой Шалочской пустыни, бывший послушник Филиппо-Ирапской пустыни и Николаевского Моденского монастыря Александр Матвеевич Жаринов (в следственном деле записан под фамилией Жарин). В мае 1937 года всего на сутки он заехал навестить своего бывшего настоятеля игумена Алипия (Быстрова), одного из главных обвиняемых по делу церковников, и это предрешило его участь.

Справедливости ради следует отметить, что Устюженский оперсектор отнюдь не являлся лидером в деле репрессий против священнослужителей. Вторым по величине церковным делом стало осуждение к 10 годам лагерей троих представителей церковного совета обновленческой Казанской общины г. Устюжны. Интересно, что по нему не проходило ни одного священника. Анализ архивных документов свидетельствует, что большинство священников Устюженских церквей, служивших в 1937 году, смогли избежать репрессий эпохи Большого террора.

К сожалению, этого нельзя сказать о других регионах. В числе главных лидеров антицерковной кампании в октябре-ноябре продолжали оставаться Череповецкий и Белозерский оперсекторы, где ежедневно арестовывались десятки священнослужителей и верующих. Большинство групповых следственных дел 1937-1938 годов затрагивают один или несколько смежных приходов. Настоятели храмов в них, как правило, именуются «главами контрреволюционной организации» и, в абсолютном большинстве случаев, приговариваются к высшей мере наказания, а активные прихожане – ее членами. Такие дела были сформированы против верующих Романовского Христорождественского (24 осужденных), Борисовского (8 осужденных), Староерговского (6 осужденных), Нелазского (13 осужденных), Кондашского (6 осужденных), Угрюмовского (10 осужденных), Ольховского (21 осужденный) приходов Череповецкого района и многих других.

Глобальные региональные дела, подобные описанному выше, почти не встречаются, за одним исключением. «Образцовое» дело «о контрреволюционной повстанческой организации церковников» заставило Череповецкий оперсектор во многом пересмотреть свою работу и попытаться сфабриковать свое крупное дело, подобное описанному. Правда, время местные чекисты отчасти упустили. Белозеры уже успели арестовать наиболее видных череповецких священнослужителей, принадлежавших к Патриаршей Церкви – епископа Череповецкого Тихона (Рождественского) и председателя епархиального управления, благочинного протоиерея Александра Удалова, а также нескольких местных священников и церковников, принадлежавших к юрисдикции Патриаршей Церкви. Поэтому череповецкие карательные органы начинают раскручивать дело о контрреволюционной организации обновленцев. Их «выручило» наличие в Череповце, наряду с тихоновской, самостоятельной обновленческой епархии, одним из наиболее активных деятелей которой был уполномоченный св. синода «протопресвитер» Василий Рябинин. В ведении о. Василия находились вопросы назначения и перемещения священнослужителей Череповецкого, Белозерского, Кадуйского и других районов. То есть он, также как и епископ Тихон (Рождественский), вполне подходил на роль лидера контрреволюционной организации церковников.

Поэтому Череповецкий оперсектор фабрикует групповое дело о «контрреволюционной церковно-кулацкой повстанческой группировке» г. Череповца, иначе именуемое «Дело священника Василия Рябинина и других» (Д.П. 11104), фигурантами по которому проходит 33 человека (как обновленцев, так и тихоновцев). 10 ноября 1937 года Тройкой при УНКВД СССР по Вологодской области по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР почти все священнослужители и игумены Рафаила были приговорены к расстрелу, а рядовые церковники и послушница Параскева Афоничева – к 10 годам лагерей. В вину им ставилось «участие в контрреволюционной церковно-кулацкой повстанческой группировке», а для священнослужителей еще и руководство ее подразделениями. Важно отметить, главные лидеры «повстанцев», по понятным причинам, отделались самыми легкими наказаниями.

Дата 10 ноября 1937 года оказалась черной для многих верующих, так как в этот день были вынесены обвинительные заключения по нескольким групповым церковным делам. Среди них особый интерес для историков представляет дело на последователей епископа Макария (Опоцкого), проживавших в окрестностях г. Череповца. По нему репрессировали 9 человек, в том числе священника Иоанна Савичева, приговоренного к расстрелу, и бывшую монахиню Парфеновского монастыря Кириллу (Афоничеву), родную сестру упомянутой выше Параскевы Афоничевой (ее приговорили к 10 годам лагерей). Из дела хорошо видно, какое влияние оказывал бывший череповецкий епископ на церковную жизнь края. Аналогичные дела были заведены на последователей владыки, проживавших в других городах, в том числе Новгородской, Ленинградской и Костромской областях. Значительная часть их фигурантов, включая уроженцев Череповецкого края, подверглась расстрелу.

Уголовные дела против церковников разбирались почти на каждом заседании тройки. Например, 16 ноября 1937 года (протокол № 5) были вынесены обвинительные постановления по контрреволюционной фашистско-повстанческой эсеровско-церковнической организации Сокольского района (69 чел.), контрреволюционной церковнической группе Ольховского сельсовета Мясинского района (21 чел.), контрреволюционной эсеровской кулацкой повстанческой группе Борисоглебского сельсовета Череповецкого района (13 чел.), контрреволюционной повстанческой группе церковников Богородского сельсовета Усть-Кубинского

района (4 чел.) и Лаврентьевского сельсовета Междуреченского района (5 чел.) и контрреволюционным повстанческим кулацким группам Ковжского сельсовета Белозерского района (6 чел.) и Шольского района (15 чел.). Всего в этот день было осуждено 164 человека, из них 69 приговорены к высшей мере наказания*.

Но, пожалуй, самыми «урожайными» оказались 4 и 8 декабря, когда ежедневно разбиралось до десятка церковных дел, по которым были осуждены многие священнослужители и монашествующие, в значительной части бывшие насельники Леушинского монастыря**. Более того, 4 декабря вологодская тройка поставила печальный «рекорд», осудив одновременно 674 человека, из которых 461 (68,4%) приговорила к расстрелу, почти в 2 раза превысив свое предыдущее суточное «достижение». Уложиться в одно заседание тройка не смогла, протоколов потребовалось два, что стало очередным антирекордом. Причины столь высоких «показателей» вполне объяснимы. 4 декабря истек срок проведения спецоперации и нужно было «любой ценой» отчитываться об ее «успешном» завершении. Но к 4 декабря дел накопилось так много, что рассмотреть их оказалось физически невозможно. Поэтому тройка собирается и в последующие дни, «трудясь» без сна и отдыха. 5 декабря было осуждено 197 человек, из которых 136 приговорили к расстрелу. 7 декабря – 493, из которых 200 подлежало расстрелу. 8 и 10 декабря тройка сохраняла близкие к рекордным показатели – 493 и 433 осужденных, соответственно. Но высшая мера наказания фиксируется гораздо реже (28 и 22 случая, соответственно). По-видимому, многократно перебрав норму расстрелов, тройка не уложилась в показатели лагерного заключения и решила наверстать упущенное.

После этого наступает десятидневный перерыв в ее работе.

Таким образом, в течение всего 7 дней (4-10 декабря) вологодская тройка осудила 2290 человек, из которых 857 (37,4%) приговорила к расстрелу. Следует отметить, что расстрельные приговоры были исполнены далеко не сразу – лишь во второй половине января следующего 1938 года, так как протоколы утверждались в Москве. А там ответственные работники просто физически не успевали ставить свои подписи под огромным потоком поступающих к ним со всех концов страны подобных документов. Наблюдались определенные проблемы и с процессом исполнения приговоров, так как не в меру раздутый штат НКВД оказался все же недостаточным для оперативного исполнения данной задачи. Известен случай, как в Ярославской области сотрудник спецорганов, фиксирующий факты расстрелов, из-за их массовости оказался физически не в силах заполнить все необходимые данные и пошел на хитрость: в графе «Время исполнения приговора» он стал ставить 1 час ночи, так как эта цифра писалась наиболее быстро.

В дальнейшем наблюдается явный спад интенсивности репрессий.

С 21 по 29 декабря 1937 года вологодская тройка собралась трижды, осудив в общей сложности 499 человек, в том числе 147 к высшей мере наказания. В январе 1938 года она провела три заседания, а в феврале – еще два, осудив в общей сложности 426 человек, в том числе 306 к расстрелу. Далее она собиралась по 1 разу в июне, июле и сентябре, осудив 248 человек, из которых 100 полагалось расстрелять. Характерно, что на последнем заседании (22 сентября 1938 г.) были рассмотрены судьбы всего 6 человек и расстрелу подвергнут лишь один. После этого тройка была распущена.

Причина спада активности репрессий легко объяснима. 12 декабря 1937 года состоялись долгожданные выборы в Верховный совет, к которым первоначально планировалось завершить репрессивную операцию. Нормативы по арестам и расстрелам были многократно перевыполнены. И давление на органы НКВД со стороны высшего руководства страны ослабело. Правда,

мгновенно остановить репрессивную машину было невозможно, поэтому она продолжала еще несколько месяцев подминать под себя все новые и новые жертвы. Так, 8 декабря были признаны виновными в контрреволюционной агитации последняя игумения Леушинской обители Агния (Благовещенская), 5 монахинь, 2 послушницы и 1 церковник, проживавших в Череповце. Матушку расстреляли 25 января 1938 года. В тот же день осудили 8 священнослужителей и верующих (в том числе 2 леушинских монахинь) Коленецкого прихода Пришекснинского района и еще несколько групп церковников.

Последний крупный церковный процесс эпохи Большого террора на территории края против леушинских монахинь, священнослужителей и верующих сразу двух районов (Пришекснинского и Череповецкого) прошел 21 декабря 1937 года (по нему осудили 14 человек).

Полноту трагедии «плановой» репрессивной спецоперации с жестко оговоренными нормативами в государстве со «сверхплановой» экономикой позволяет оценить элементарное сравнение заданных нормативов и реальных результатов. Возьмем плановые цифры для обширнейшей Северной области, которая включала в себя объединенную территорию нынешних крупнейших областей России: Архангельской и Вологодской.

По июльскому плану в течение 4 месяцев (с 4 августа по 4 декабря) следовало в Северной области приговорить к расстрелу 750 человек и к лагерному заключению 2000 человек.

В реальности в пределах одной Вологодской области всего за месяц с небольшим (2 ноября-10 декабря) было приговорено к лагерному заключению 1995 человек и к расстрелу 1537 человек. То есть всего за 1 месяц из 4-х на территории почти в три раза уступавшей Северной области, была полностью выполнена норма по арестам и более чем в два раза перевыполнена норма по расстрелам. Если же эту цифру интерполировать на полный срок спецоперации и на всю территорию, то мы увидим, что планы партии и правительства по убийству своих граждан оказались перевыполнены более чем в 10 раз.

Обратимся к официальным итогам. По данным комиссии «по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии» под председательством П.Н. Пospelова (1956 г.), в 1937-38 годах было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 548 366 человек и из них приговорено к высшей мере наказания 681 692. Как видим, в целом по стране заданные в июле нормативы были перевыполнены в 6 раз (по расстрелам – в 9 раз).

Открытым остается вопрос, какую долю из указанного числа составляли священнослужители и верующие. Подсчитать их на настоящий момент не представляется возможным, что связано со сложностью учета. Далеко не все священники проходили по так называемым церковным делам и, наоборот, по делам церковников нередко осуждались лица, не отличавшиеся особой набожностью. Тем не менее, некоторые (явно приуменьшенные) итоговые результаты исторические источники позволяют получить. Так, Н.И. Ежов в 1937 году докладывал И.В. Сталину: *«В связи с ростом контрреволюционной активности церковников и сектантов, нами, в последнее время, по этим элементам нанесен значительный оперативный удар. Всего в августе-ноябре 1937 года арестовано 31359 церковников и сектантов; из них: митрополитов и епископов – 166; попов – 9116; монахов – 2173; церковно-сектантского кулацкого актива – 19904. Из этого количества осуждено к высшей мере наказания – 13671. В том числе: епископов – 81; попов – 4629; монахов – 934; церковно-сектантского кулацкого актива – 7004»**.*

По данным НКВД, за весь 1937 год было арестовано 33 382 «служителя

религиозного культа» (то есть священнослужителей и церковнослужителей). Вместе с так называемыми «сектантами», к которым нередко причислялись православные верующие, эта цифра возростала до 37 331. В 1938 году за «церковно-сектантскую контрреволюцию» было арестовано 13 438 человек. Причем процент расстрелов вырос с 44 до 59 %.

Подведем итоги Большого террора. Результаты спецоперации на территории Вологодской области оказались разрушительными. Почти все сохранявшиеся к середине 1937 года храмы к 1938 году уже числились недействующими, так как их «служители культа были арестованы». И восполнить потери оказалось нечем. В итоге областными чиновниками удалось достаточно безболезненно ликвидировать и переоборудовать под светские учреждения почти все не закрытые на тот момент храмы, оставив в распоряжении верующих к июню 1941 года только одну церковь Рождества Богородицы в Вологде у Горбатого моста.

Необходимо отметить, что репрессии против священнослужителей затронули область неравномерно. Одним из наиболее спокойных уголков оказался Устюженский район, где большинство священников смогли относительно благополучно пережить Большой террор. Поэтому здесь храмы оставались в ведении верующих достаточно долго. Так, богослужения в храме Рождества Христова (Покровском) г. Устюжны прекратились лишь 1 января 1941 года – самыми последними в границах Череповецкой епархии.

Во второй половине 1938 года репрессивная политика советского государства начала кардинально меняться. 17 ноября 1938 г. все «массовые операции» были завершены, деятельность созданных в 1937–1938 гг. «троек», «особых троек», а также Комиссии НКВД и Прокурора СССР («альбомный порядок») официально прекращена. Решения по всем следственным делам должны были выноситься или судебными органами, или Особым Совещанием при НКВД СССР. Данное решение было принято на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). Приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. № 0062 приказы, циркуляры и распоряжения НКВД о проведении всех операций были признаны утратившими силу или отменены.

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел становится Лаврентий Павлович Берия, который начинает крупномасштабную чистку своего аппарата. 14 декабря 1938 года был арестован начальник УНКВД Вологодской области С.Г.Жупахин, которого обвинили во вредительской работе, направленной на фальсификацию следственных дел. Вместе с ним осудили ряд сотрудников НКВД. Часть уголовных дел эпохи Большого террора была пересмотрена и некоторые заключенные освобождены.

Вместе с тем политические репрессии не прекратились. По данным Управления ФСБ России по Вологодской области только в 1937–1940 гг. областным Управлением НКВД было арестовано 10405 человек, большинство из которых осудили по политическим мотивам. Как мы помним, в период деятельности Вологодской тройки (ноябрь 1937- сентябрь 1938 г.) было осуждено 4705 человек (менее половины указанной цифры). Остальные заключенные пострадали в первые месяцы Большого террора, а также в период руководства карательными органами Л.П. Берии.

В число последних попало немало священнослужителей и верующих. Например, 1 декабря 1938 года был вынесен приговор 7 обвиняемым, включая бывшего священника Выксинской церкви Ивана Филатовича Румянцева, шестеро фигурантов «за контрреволюционную агитацию» были приговорены к 10 годам лагерей (Д.П. 1010). Характерно, что четверо осужденных скончались в заключении в 1939 году (спустя непродолжительное время после прибытия к

месту назначения), что красноречиво свидетельствует об условиях заточения.

16 апреля 1939 года было осуждено 9 человек, в том числе бывшие священники Чаромской церкви Пришекснинского района Александр Львович Ильинский и Дмитрий Михайлович Ключарев.

Репрессии против священнослужителей и монашествующих не прекратились и в годы войны. Например, 29 июня 1942 года в Белозерске был осужден священник Феодор Иванович Смирнов, 19 мая 1943 года – монахиня Черноезерского монастыря Вячеслава (Брякина), 23 апреля 1945 года – бывший псаломщик, представитель священнической династии Василий Петрович Перкатов.

В послевоенные годы репрессии продолжились. Так, 4 октября 1950 года к 10 годам лишения свободы был приговорен бывший настоятель Христорождественской церкви г. Череповца протоиерей Андрей Артамонов.

После 1956 года абсолютное большинство вынесенных приговоров было пересмотрено и осужденные священнослужители реабилитированы.

Всего в период с 1988 г. по ноябрь 2005 г. прокуратурой Вологодской области было проверено 10593 архивных уголовных дел в отношении 14532 лиц, осужденных по политическим мотивам за совершение государственных и иных преступлений. Полностью реабилитировано 12610 граждан, отказано 212 лицам. В то же время Управлением ФСБ России по Вологодской области совместно с областной и военными прокуратурами рассмотрено 17184 архивных уголовных дела, по ним реабилитировано 25950 человек.

Это лишь часть незаслуженно пострадавших в советские годы добропорядочных законопослушных граждан, среди которых значительную долю составляли священнослужители и верующие. Точный список их еще предстоит установить. Но одно несомненно, число пострадавших за веру только в границах нынешней Череповецкой епархии исчисляется тысячами.

Использованные источники и литература:

Архивные источники:

1. Архив УФСБ по Вологодской области, а также центральный и региональные архивы УФСБ.
2. Архив УВД по Вологодской области.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО).
5. Государственный архив Новгородской области (ГАНО).
6. Государственный архив Ярославской области (ГЯО).
7. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД).
8. Вологодский архив новейшей политической истории (ВОАНПИ).

Опубликованные источники и литература:

1. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 1-7. Тверь, 1992-2002.
2. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Т. 1-5, доп. 1-4. Тверь, 2002-2005.
3. Ленинградский мартиролог 1937-1938. Т. 1-11. СПб., 1998-2010.
4. Мальцев М.Г. Пострадавшие за веру: репрессии против священнослужителей и верующих на территории Череповецкого края. Ч. 1-3. СПб., 2010
5. Синодик священнослужителей и мирян Ярославской епархии, пострадавших в годы гонений. Романов-Борисоглебск, 2003.
6. Доверено охранять Отечество (Из истории органов безопасности в Вологодском крае) / Под науч. ред. М.А. Безнина. – Вологда, 2008.